

А. Дубровин

**СОЛНЦЕ
НА МУНДИРЕ**

Александр Дубровин
Солнце на мундире (сборник)

«Издательство «Перо»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубровин А. С.

Солнце на мундире (сборник) / А. С. Дубровин — «Издательство
«Перо», 2016

ISBN 978-5-906883-37-7

«...Александр Дубровин – автор книги рассказов, которая была издана в 1997 году. Его произведения несут в себе большой заряд эмоционального воздействия на читателя. В качестве прототипов героев автору зачастую интересны люди, которые, по мнению окружающих, не успешны и не удачливы... ..В книге, кроме рассказов, представлена небольшая повесть. По утверждению автора эта повесть – его словесный протест против сложившейся ситуации забывания и забвения имён и судеб людей, которые внесли немалый вклад в развитие Российского государства и его культуры... .. Автор отличается внимательностью к деталям, верностью сюжетным линиям своих произведений. Простая манера писания, мягкий, ненатужный юмор характерны для его литературного творчества...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906883-37-7

© Дубровин А. С., 2016
© «Издательство «Перо», 2016

Содержание

Предисловие	6
Солнце на мундире	7
1	7
2	9
3	11
4	13
5	16
6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А. Дубровин
Солнце на мундире
Сборник

© Дубровин А. С., 2016

Предисловие

Александр Дубровин имеет много публикаций в коллективных сборниках и периодической печати. Он автор книги рассказов, которая была издана в 1997 году. Его произведения несут в себе большой заряд эмоционального воздействия на читателя. Рассказы Дубровина объединены в цикл «Незабвенная моя провинция». В качестве прототипов героев автору зачастую интересны люди, которые, по мнению окружающих, не успешны и не удачливы. В литературе была и есть тема так называемого маленького человека. Герои рассказов – провинциалы. По признанию автора, своими текстами, как ни банально это звучит, он вслед за многими другими создателями художественных произведений хотел бы приблизить читателя к извечным, нравственным ценностям человеческого общества: к добру, к любви, к справедливости. Помыслы его, направлены на то, что бы живо было в людях милосердие друг к другу и не умирало в них – сострадание!

В книге, кроме рассказов, представлена небольшая повесть. По утверждению автора эта повесть – его словесный протест против сложившейся ситуации забывания и забвения имён и судеб людей, которые внесли немалый вклад в развитие Российского государства и его культуры. Наверняка, далеко не все знают, что расположенный в Москве крупный культурный центр России – Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина – был построен на деньги владельца стекольных заводов Ю. С. Нечаева-Мальцова. Специальная литература о российских меценатах – удел определённого круга читателей. Разумеется, более широким спросом пользуется литература, которая рассказывает сюжетные истории о взаимоотношениях людей.

Автор отличается внимательностью к деталям, верностью сюжетным линиям своих произведений. Простая манера писания, мягкий, ненатужный юмор характерны для его литературного творчества.

В. Владимиров, член Российского союза писателей.

Солнце на мундире

Эта маленькая повесть – напоминание о прошлом Мецгерского края и города с удивительно звонким, словно звон хрустальных бокалов, названием – Гусь-Хрустальный!

1

Город перед ночным затишьем. Жёлтые окна многоэтажек и яркие фонари над проспектом. Автомобили с горящими глазами-фарами, не успевшие застыть на стоянках и укрыться в гаражах. Влажная свежесть в воздухе и обмытый талой водой асфальт на дорогах. Вечерний полупустой автобус покатился до следующей остановки. Пятиэтажка, в которой Андрей жил, находилась неподалёку. После рабочего дня он частенько в вечерних сумерках выбирался из своей однокомнатной квартиры и, закупив продуктов, возвращался. Благо действовала в городе сеть круглосуточных магазинов. Сырая прохлада плыла над землёй. В тени заборов прятался, уступая неудержимой весне, последний снег. Утоптанная дорожка огибала двухэтажный дом с дворовыми постройками и вела вдоль забора, за которым территория детского сада. В темноте перед собой различил Андрей два мужских силуэта и девичью фигуру в распахнутом плаще и сдвинутой набок беретке.

– Помогите, помогите! – девчонка протягивала к нему руки. – Я их не знаю! Встретили меня! На плаще пуговицы оторвали! – она судорожно всхлипывала, не в силах крикнуть громче. – Там ещё двое, – испуганно оборачивалась она.

– Исчезни, мужик, – огрызнулся подросток без головного убора и коротко стриженный. Его приятель в фуражке, нагнувшись, схватил пакет с продуктами и потянул на себя. Перехватив руку, Андрей с силой вывернул её.

– Отпусти! – прокуренным голосом взмолился наглец, запрокинув перекошенное от боли лицо к тёмному небу. Оттолкнув его, Андрей успел увернуться от удара. Стриженный размахивался снова, но тут же и он опустился на колени, держась за живот.

В свои двадцать пять лет защитник четыре года занимался вольной борьбой. Посещал секцию и участвовал в соревнованиях. Борьба закалила его физически и духовно. В характере появилось спокойствие, уверенность и решительность обозначились в действиях.

Из темноты подбежал кто-то ещё. Присев, Андрей поймал поднятую для удара ногу, и нападавший, вскрикнув, бухнулся спиной на землю. Сбоку вырос коренастый парень, который размахивал обломком толстой доски. Удар пришёлся по руке. Отлетела доска, и бросился убежать подросток. Споткнувшись, растянулся на грязном песке. Вскочил и ринулся прочь. Сняв куртку, защитник задрал по локоть рукав свитера – из раны сочилась кровь.

– Вам больно? – в девичьем голосе звучало волнение. – Перевязать надо!

– Я живу рядом. Бинт есть – перевяжу.

– Вам кто-нибудь поможет?

– Вообще-то некому.

– Как же вы одной рукой? Пойдёмте – я перевяжу. Ведь это из-за меня. Я вам так благодарна! – девчонка искренне кивала головой и, казалось, готова была расплакаться.

Имя нечаянной знакомой показалось нежным – Полина. В квартире она накладывала бинт на залитую йодом рану. В усердии склонилось белое лицо. Чуть растрепались убранные за голову чёрные волосы. Поджатые губы и аккуратный нос, под длинными ресницами – добрые карие глаза. «Симпатичная», – мысленно оценил Андрей. Нежность и теплота всколыхнулись в нём. Неведомая радость озарила сознание, будто разгоревшийся неожиданно костёр. Возникло то

трепетное желание, что движет человеком в светлых душевных его порывах. Желание помочь, поделиться, отдать, полюбить!

– Я провожу, – пострадавший суетливо надел куртку.

– Не беспокойтесь, я дойду, – карие глаза глядели с благодарностью.

– Одну не отпущу. Ночью всякое может случиться!

На автобусной остановке не было пассажиров, и ничто не предвещало скорого прибытия общественного транспорта. Двинулись по светлому тротуару.

– Я в городской библиотеке работаю. Вы любите читать книги? – Полина заглядывала в лицо своему спасителю.

– Люблю, если книга интересная.

– Интересных книг много. Надо с желанием брать книгу в руки и с желанием раскрывать её!

– Я так и буду делать, – согласился, улыбаясь, Андрей. Улыбнулась и его попутчица.

Перед подъездом блочной пятиэтажки она развела руками:

– Здесь, я живу!

Они ещё постояли, смущённо заглядывая друг другу в глаза, и торопливо обменялись своими номерами на мобильных телефонах. Возвращаясь, шагал он размашисто. Необузданная добрая энергия переполняла его. Радовал и покой ночи, и талый последний снег, и под яркими фонарями прямой, как стрела, проспект.

2

Высокие входные двери и длинный коридор городской библиотеки. В раздевалке полная гардеробщица с добродушным лицом.

– Мне бы Полину увидеть, библиотекаря, – Андрей снял скрипящую кожей куртку.

– Полиночку, – приветливое лицо расплылось в улыбке. – Вы в читальный зал пройдите.

Широкая лестница на второй этаж. Высокие потолки и просторные помещения. Хранилище книг – храм познаний. Здесь покоится человеческая мысль, обозначенная словом. Килограммами, тоннами слов. Драгоценные накопления! В зале под ярким светом – столы рядами и книжные стеллажи вдоль стен. За широкими окнами – город с вечерней своей суетой.

– Здравствуйте, – Полина, широко раскрыв карие глаза и растянув пухленькие губы в улыбку, поднялась навстречу: невысокая, с точёным телом, обтянутым кофтой и брюками. – Вы к нам?

– Зашёл почитать. Может, предложите что-нибудь интересное?

– У нас всё интересное: книги, журналы. Мы викторину проводим для шестых классов. Называется «Мой город». Изучаем историю родного края. Присоединяйтесь, – Полина указала на незанятый стол, – вот, почитайте, – протянула она тонкую, небольшого формата книгу.

Полистав её, Андрей принялся наблюдать, как девочки и мальчики старательно выписывали в тетрадях какие-то слова. Круглолицый пацан ехидно взглянул на него и, ухмыльнувшись, склонился над тетрадью.

– Все написать успели? – подбадривала Полина детей. – Устали сегодня? На следующей неделе у нас ещё два этапа викторины, и после подведения итогов наши победители получат призы, так что старайтесь!..

Весело переговариваясь, дети шумно скрылись за дверью. В наступившей тишине Полина, засмутившись, как бы извинялась:

– Вы к нам поздно зашли. Рабочий день подходит к концу, библиотеку закрываем.

Андрей попросил на несколько дней книгу, что предложила ему почитать Полина. В вечерних сумерках, когда направлялись к её дому, она увлечённо рассказывала:

– Мещёра наша – край громадных запасов леса и огромных залежей песка. Это явилось одним из главных обстоятельств, определивших то, что здесь стали появляться стекольные заводы.

Андрей поддакивал, соглашаясь. Ему нравился её голос, и интересным показалось, о чём она говорила.

– А вы хотели бы больше знать о нашем Георгиевском соборе и его создателе Юрии Степановиче Нечаеве-Мальцове? – в глазах Полины блеснул огонёк сокровенной радости, и голос стал теплее. – Я могла бы рассказать об этом человеке!

Расставаясь, они договорились о встрече в субботу днём у Георгиевского собора. За письменным столом, у себя в комнате, Андрей при свете настольной лампы принялся листать данную Полиной книгу. Увлёкшись чтением, он проговаривал целые абзацы и отдельные предложения.

«С блестящей поверхности воды, – читал Андрей вслух, – взлетела стая гусей.

– Это река-то Гусь? – спросил Мальцов. – Здесь будут ставить завод!

– А как в бумагах писать прикажете?

– По месту и звание. Москва-матушка и та по реке зовётся! В бумагах писать Гусь-Хрустальный!» – Андрей согласно хмыкнул и, дочитав страницу, опять же вслух подытожил: – Было это в 1756 году!

За окном с незадёрнутыми шторами затихал город. Андрей вгляделся в наполненную огнями ночь. За стенами домов – люди. Они строят планы на будущее. Возводят в этом городе

здания и ремонтируют дороги. Живут здесь и умирают. На этом участке Мещёрской земли, куда пришёл когда-то Аким Мальцов. Всем нам определил он и завещал Родину нашу! Андрей вновь уселся за стол. До поздней ночи над книгой не гасла настольная лампа.

В субботу Андрей позвонил Полине. На место встречи, к Георгиевскому собору, он пришёл чуть раньше. Среди весенних деревьев, ветви которых, ещё не покрытые зеленью, нежились в тёплом воздухе, по земле, влажной после снега и со следами прошлогодней листвы, подошла Полина. Они направились по уложенным на земле плитам вокруг величественного, изящно отделанного снаружи и как будто всегда нарядного, броского в глаза, бело-красного здания Георгиевского собора.

– Автор проекта – Бенуа, он был профессором Академии художеств. Росписи внутреннего интерьера выполнил Васнецов – выдающийся русский живописец. Мозаичные работы исполнены известным мозаичистом Фроловым. А ведь первоначально это здание выглядело не совсем так. Наверху, где крыша, была позолоченная колокольня и были башенки, но здание сохранилось в том виде, в котором есть. Вы знали об этом Андрей?

– Честно признаюсь, нет, – покачал тот головой.

– Юрия Степановича Нечаева-Мальцова спрашивали, – улыбнувшись, Полина продолжала говорить, – почему он не пожалел громадных средств для украшения церквей в глухомани, в глуши Владимирской губернии? Я читала – запомнила и цитирую, как Юрий Степанович отвечал: «А отчего стоит город Орвието в Италии? Для его собора ездят иностранцы издалека. Будет время, когда художники и ценители русского искусства станут ездить и на наш Гусь!»

– Сбылись эти слова, – согласился Андрей. – Автобусы с туристами всегда подъезжают к собору.

– Сбылись его слова, – глаза у Полины радостно заблестели. – Вы знаете, какой это был человек! Я о нём прочитала всё, что смогла найти. Помимо заслуг перед государством, помимо меценатства и благотворительности, – это был безгранично добрый человек. Был нетребовательный в личных своих вкусах. Долгое время не отказывал ни в одной просьбе о материальной помощи. Люди приходили в его особняк в Санкт-Петербурге на Сергиевской. В номер в «Славянском базаре», когда был меценат в Москве. В комнату № 1 в гостинице «Франция» в Казани, когда туда приезжал. Если люди не являлись попрошайками профессиональными, после пяти слов разговора совал сторублёвую бумажку, а особенно если был тронут чужой нуждой, то говорил: «Дайте знать, когда выйдут». Деньги посылались и по письменным просьбам. С его счетов ежегодно выделялись расходы на бедность. Он помогал кормилице Ивана Сергеевича Мальцова, её сыну, а потом и внуку, уже покойной кормилицы. – Полина, как бы что вспомнив, выждав некоторое время, сообщила Андрею: – Вечером мне нужно ехать к бабушкиной сестре в посёлок. Я по выходным к ней езжу. Она старенькая – помогать надо.

– На автобусе? – поинтересовался Андрей и, услышав утвердительный ответ, уточнил время отъезда и обещал прийти проводить.

3

Он подходил к автовокзалу, когда оранжевое, за день уставшее солнце висело за высокими домами над горизонтом. Среди пассажиров отыскал Полину. Группа пьяных подростков, громко разговаривая, садилась в автобус.

– Поеду с тобой, – Андрей взял Полину за руку, – и вернусь обратно.

Безуспешно пыталась его отговорить Полина. В автобусе, поглядывая в окно, за которым сменялись перелески и поля, она говорила:

– Когда появился посёлок Гусь-Хрустальный, в его окрестностях стали возникать мальцовские стекольные заводы. И другие промышленники стали создавать здесь заводы. Мы едем в посёлок, который появился вокруг стекольного завода, и название посёлку дал завод. Моя бабушка отсюда родом.

По прибытии на место Андрей успел проводить Полину до поворота на нужную ей улицу и бегом вернулся в автобус, который отправлялся в обратный рейс.

Следующая неделя выдалась у Андрея напряжённой. В среду, как было запланировано, начались командные выезды на соревнования в областной центр. Его освободили от работы и в остальные дни, до воскресенья. Он участвовал в областных соревнованиях по вольной борьбе. Он выигрывал поединок за поединком. Вцеплялся в противников, опрокидывал их и укладывал на спину.

– Что ты так разозлился? – искоса поглядывал на него стриженный наголо, круглолицый, краснощёкий, уже немолодой тренер Иваныч.

Андрей отшучивался. В него как будто вселилась необузданная энергия. В борцовских схватках он торопил себя и противников. Он торопил время – ему хотелось увидеть Полину. В двух поединках уступил более мощным соперникам. В последнем выступлении неудачно упал на левую руку – появилась опухоль. Тренер хвалил за третье место и, прищурившись, сожалел:

– А ты мог бы быть вторым или первым, – с досадой Иваныч бил упругим кулаком по своей же упругой ладони.

В субботу, последний день соревнований, Андрей не дождался, когда закончит выступления команда, отпросился у тренера, собрал сумку и уехал. В полдень он шагал по родному городу, направляясь к библиотеке. Незнакомая седоволосая гардеробщица вгляделась в него:

– Полины и вчера не было, и сегодня не приходила!

На телефонные звонки Полина не отвечала, и вскоре Андрей оказался у её дома. Поднялся на этаж и постучался в квартиру. Послышалось шарканье ног.

– Вы к кому? – раздался немолодой женский голос.

– Мне Полину увидеть!

Из-за приоткрытой на длину цепочки двери выглянула пожилая женщина с добродушным лицом, на котором в уголках губ словно таилась приветливость.

– Вас Андреем зовут?

– А вы – Наталья Петровна, Полина бабушка!

В комнате женщина усадила гостя на диван.

– Заболела внучка, в больнице она. Вы, может, чайку попьёте?

– В больнице? – с недоумением переспросил Андрей.

– Простудилась, воспаление лёгких, – Наталья Петровна скорбно взглянула и потупила голову.

– Я пойду к ней, – поднялся Андрей с дивана.

– Не надо её лишний раз беспокоить, – прикоснулась к его руке Наталья Петровна. – Сегодня я была у неё. Завтра сходите. Вещички кое-какие ей отнести надо, – она пододвинула

к дивану журнальный столик, открыла перед гостем семейный альбом. – Посмотрите фотокарточки, а я чайку приготовлю.

Взгляд невольно останавливался на Полининых фотографиях. С постаревших чёрно-белых – удивлёнными по-детски глазами то с грустью, то с улыбкой смотрела в мир маленькая девочка, а цветные фото хранили сравнительно недавние её изображения. Внимание привлекла фотография во всю альбомную страницу – представительный мужчина в элегантном костюме.

– Полинин отец, – заметив заинтересованность Андрея, подсказала Наталья Петровна. – Двенадцать лет ей было, как его не стало. А вот её мать, – собеседница перевернула страницу альбома. – Такая она молодая была!

С фотографии смотрела симпатичная женщина с загадочным взглядом и чёрными выющимися волосами.

– Отец Полины уж очень на одного дяденьку похож. Она эти фотографии так вместе и хранит, – Наталья Петровна через силу улыбнулась, – в конверте, в конце альбома.

Андрей сравнил снимки из конверта. На одном – отец Полины, на другом – человек во фраке. На обороте ровным почерком было написано: Юрий Степанович Нечаев-Мальцов. В глаза бросилось удивительное сходство в выражении лиц данных мужчин. Андрей откинулся на спинку дивана и улыбнулся своей догадке: «Вот почему Полина так тепло говорит об этом человеке – он похож на её отца». Качнув головой в подтверждение своих мыслей, Андрей обратился к Наталье Петровне:

– Как же она простудилась?

– Не хотелось бы говорить, – махнула рукой собеседница, – из-за матери, из-за Ольги. Вы фотографию видели. Дочь моя, будь она неладна, – женщина прискорбно вздохнула, – она, знаете, выпивает. Вот и набралась как следует. В квартире на все замки закрылась и уснула. Я сама к сестре уезжала. Внучка пришла с работы и полночи в подъезде простояла, а ведь не лето. Утром у неё температура под сорок и в жар бросило. Я как приехала, так «скорую» вызвала.

С грустным лицом Наталья Петровна принесла из кухни и пододвинула к Андрею чашку чая и блюдо с конфетами.

Она внимательно посмотрела на слушателя:

– Вы производите впечатление порядочного человека, и Полина о вас хорошо отзывалась. Вы знаете, я её воспитывала. Девять лет ей было, когда родители развелись. Ольга уехала со своим ухажёром на север – он там работал. А Леонид Сергеевич остался с дочкой один. Переживал он очень. Болеть стал. Через три года после развода и умер. А Ольга теперь вернулась. Бросил её там хахаль или ещё что... И дня без рюмки прожить не может. Живёт с каким-то – у них квартира есть. И сюда таскается! Я уж её не пускаю. Отца Полина очень любила. Земля ему пухом! – Наталья Петровна перекрестилась.

Допив чай, Андрей поблагодарил за тёплый приём, пообещал завтра с утра сходить в больницу, и Наталья Петровна передала ему пакет с вещами для Полины.

4

Сияло бодрое утреннее солнце. У входа в больничное здание толпились посетители. Девушка в белом халате, выслушав Андрея, поднялась на второй этаж за Полиной. Та скоро вышла в коридор. С улыбкой на бледном лице пожаловалась, что чувствует себя неважно. Неохотно взяла принесённые фрукты, а осмотрев содержимое пакета, подсадовала, что бабушка забыла положить её сиреневый, с зелёными цветами халат. Андрей с поддержкой взглянул в невесёлые Полинины глаза, с теплотой прикоснулся к её руке. К концу разговора обещал после обеда занести халат. Возвращаясь из больничного городка, зашёл в поликлинику, дождался приёма врача и показал опухшую руку. Ему сделали перевязку и выписали больничный лист. В полдень он подходил к Полининному дому. На лестничной площадке в знакомую дверь стучала и звонила нестарая женщина в расстёгнутом пальто. С головы на плечи спадали чёрные крашенные волосы. Её лицо показалось Андрею знакомым.

– Дома никого! – многозначительно ухмыльнулась женщина.

– Вы Полина мать? – догадался Андрей. – Поговорить с вами можно?

– Со мной? – деланно удивившись, женщина покачнулась и уставилась на Андрея. – А почему бы нет? Меня Ольгой зовут. Здесь недалеко ресторанчик есть. Пригласите даму!

В соседнем доме зашли в уютный подвал с вывеской над входом и расположились за столиком.

– Почему вы моей дочерью интересуетесь? – новая знакомая торопливо, словно кто мог помешать, отпивала из кружки пиво. – А про отца её говорить не хочу. Видный был – бабы на него заглядывались – и умный, – рассказчица повертела рукой возле головы. – Ходил надутый как индюк! Подлец – прогнал меня, – глотнув в очередной раз пива, она закашлялась.

– Что с вами, Ольга Васильевна? – к столу подсел белобрысый парень с белым шарфом на шее, в суконной куртке.

– Это Славик, он меня всегда по отчеству называет, – собеседница подмигнула Андрею, – хочу его с дочерью свести. Парень хороший: выпивает в меру и на работу устраивается. В зятя пойдёшь? – она кивнула Славику.

– А как же, – хихикнул тот и откинул назад голову.

– Надо поговорить! – Андрей потянул нового знакомого за рукав и, пока они отходили, доверительно сообщил: – Ты про её дочь забудь – у неё жених есть, и я не советую тебе с ним отношения выяснять!

Расставаясь с новыми знакомыми, Андрей улыбнулся Ольге Васильевне и крепко пожал Славику руку, который отдёргнул её с гримасой недовольства, показывая этим, что ему больно. В Полининном доме Андрей вновь поднялся на этаж и позвонил в квартиру. Не дождавшись ответа, выбежал из подъезда и поспешил между домов к центру города. В торговом ряду, в вещевом магазине, заглянул в отдел женской одежды.

– Вот красивый зелёный халат с белыми цветами, – расхваливала товар звонкоголосая светловолосая девушка в кофте и джинсах.

– Размер нужен, как у вас, – уточнил Андрей.

– На меня зелёный с розами впору. Он дороже стоит.

– Я его покупаю!

– Жене или невесте? – улыбаясь, поинтересовалась девушка.

– Упакуйте, пожалуйста, – поторопил продавщицу Андрей и поспешил расплатиться.

За дверями больничного корпуса таилась тишина. Андрей извинился и попросил проходившую по коридору медсестру передать Полине в палату пакет с халатом. Не спеша, вышел он к автобусной остановке. Грело землю солнце. Прохожих радовал безветренный тёплый день. Андрей решил не ждать автобуса. Мимо многоэтажных домов, пересекая дороги и улицы,

вышел к озеру, ещё не до конца освободившемуся ото льда. Озеро в центре города – перегороденная плотиной река Гусь. Летом, в жаркие дни и тёплые ночи, водная спокойная гладь дышит свежестью. От воды до неба – простор. Местами, по берегам разрослись кустарники и деревья. На противоположной стороне – пляж и спасательная станция. В купальный сезон – место отдыха горожан. За плотиной река протекает по территории известного на всю страну хрустального завода – он остановлен. Новоявленные рыночные отношения стремительно сделали предприятие убыточным. Завод, будто бы всеми покинутый, затаился в безнадежном ожидании. Набережная озера покрыта тротуарной плиткой. Между скамейками наставлены у воды светильники в виде не больших железных деревьев. На каждом таком дереве – по три белых шара. В тёмное время суток они озаряют набережную светом.

Андрей подошёл к Георгиевскому собору. Среди деревьев – асфальтированная дорожка, скамейки, монумент Акиму Мальцову, сравнительно недавно поставленный. Сидя на лавочке, пожилой худощавый мужчина в расстёгнутой наполовину куртке и в фуражке обращался к сидевшему рядом полному человеку такого же пенсионного возраста:

– Сорок лет я на хрустальном заводе работал, а тридцать лет был бригадиром алмазчиков!

Собеседник, надвинув картуз на лоб и сунув руки в карманы ветровки, согласно хмыкал и тяжело вздыхал:

– Надо ведь, такой завод развалили!

Андрей присел на край скамейки и с интересом прислушался к разговору.

– Завод и при прежней власти в почёте был, – худощавый, вытянув руку, тыкал указательным пальцем в пространство. – На проходной, над железными воротами, до сих пор висит муляж ордена Октябрьской революции! Было дело – награждали завод орденом, а теперь обанкротили и растащили. Я вот мечтаю, чтобы нашёлся какой-нибудь олигарх и поднял бы завод! По телевизору на этих богатеях насмотришься – как они футбольные клубы покупают или певцов безголосых раскручивают. Такие деньжищи тратят!

– Значит, невыгодно деньги вкладывать, – высказал своё мнение толстый мужчина, – нерентабельно!

– А ты вложи, – хитро подмигнул худощавый, – технологии внедри, подготовь рынки сбыта, и оно, может быть, воздастся тебе и вернётся втрое! Хрустальный наш завод приносил славу государству – это и при царе было! – привычно подняв руку, он сжал пятерню в кулак и, помолчав, кивнул на здание Георгиевского собора: – Вон какие изделия из хрусталя в музее выставлены! На загляденье! Красота земная!

– Выстроили православный храм, – толстый собеседник говорил с теплотой в голосе, – а сделали в нём Музей хрусталя!

Он, улыбаясь, дружески подтолкнул плечом соседа по лавочке, а тот, достав сигареты, закурил, с нетерпением и желанием затягиваясь дымом.

Андрей, неторопливо обойдя Георгиевский собор, направился в район, где жил. В своей квартире улёгся ничком на диван. Время текло медленно, и ничто не радовало. Два дня, что предстояло отдыхать от работы по больничному листу, он намеревался посещать Полину в больнице. Готовясь ко сну, включил телевизор. По областному каналу за круглым столом беседовали двое пожилых мужчин в пиджаках, светлых рубашках и при галстуках. Уже собираясь переключить канал, Андрей расслышал в разговоре фамилию Нечаев-Мальцов и прислушался:

– Он написал роман о Мальцовых, – отвечал на вопрос седоволосый, с доброжелательным взглядом, мужчина. – Насколько я знаю, рукопись готова к изданию. Особое место в ней уделено личности Юрия Степановича Нечаева-Мальцова, который интересовал автора как меценат с большой буквы! – Седоволосый выслушал реплику собеседника и продолжал говорить: – Автор нечасто бывает в областном центре. По пути к столице нашей белокаменной, в стороне от трассы есть деревня Ветлужовка, там он и творит на лоне природы, – мужчины на экране заулыбались и сменили тему беседы, а вскоре ведущий распрощался с телезрителями.

Вооружившись ручкой, Андрей записал на краю газеты, что лежала на столе, фамилию писателя, о котором говорили с экрана, а также название деревни и адрес областной писательской организации, прозвучавший в монологе ведущего в конце передачи. От нахлынувших светлых мыслей глаза Андрея засветились радостью. Он уже понимал, что будет делать и что должен сделать! Он встретится с литератором, чтобы тот, если это возможно, передал ему на время хоть какую-нибудь черновую рукопись романа о Нечаеве-Мальцове. Андрей привезёт её Полине, которая должна обрадоваться! Полный решимости действовать, он уснул.

5

Утром, с сумкой на плече выйдя из подъезда и ёжась от прохлады, Андрей поднял воротник куртки и заторопился к автовокзалу. Автобус неторопливо докатился до областного центра. Довольно скоро вдоль заборов, мимо окон и витрин магазинов, перейдя через широкую площадь, Андрей вышел на нужную улицу. Представительное административное здание, у дверей парадного входа табличка «Областное управление культуры». Средних лет женщина-администратор пояснила:

– Здесь писательская организация находится. Но сейчас их нет. Может, позже подойдут!

Андрей присел на диван в холле. Какое-то время ждал, потом нетерпеливо поднялся и шагнул к выходу. Он решил, пока позволяло время, ехать в деревню и, если повезёт, встретиться с писателем. На привокзальной стоянке длинный автобус на Москву заполняли пассажиры.

– Шеф, деревню Ветлуговка проезжаешь? – поинтересовался Андрей у водителя.

– Заезжаю, – хмыкнув, качнул тот головой.

С приобретённым в кассе билетом Андрей уселся в салоне в мягкое кресло. Просторный автобус плавно, как бы крадучись, тронулся с места. За окнами салона поплыл городской пейзаж. Остались позади, в небесной синеве, кресты на куполах церковей старинного русского города. Вдоль трассы навстречу побежали перелески. Пожилая пассажирка в пальто и меховой кепке, которая сидела-дремала рядом с Андреем, взглянув в окно, подсказала ему:

– Выходить вам, молодой человек!

Из железных труб сделанный, давно не крашенный, остановочный навес с лавочкой. В стороне, на фоне далёкого леса, в длинный ряд вытянулись деревенские дома с огородами. Влажно-грязная, присыпанная щебёнкой дорога тянулась к деревне, выводила на сельскую улицу. У домов, в палисадниках, от слабых дуновений ветерка еле заметно раскачивались ветви деревьев и кустарников, ещё оголённые, но уже согретые наступающим теплом. Дремала полдневная тишина. Под светлым небом царил деревенский покой.

Скрипнула и хлопнула калитка. Навстречу приезжему засеменил пожилой мужчина.

– Вы не подскажете, – обратился с вопросом Андрей, – здесь писатель живёт, как бы его найти?

Поправив на голове серую вязаную шапку, мужик перестал сутулиться:

– Знаем, про кого говоришь! – Худощавое тело в суконном полупальто повернулось, и вытянутые руки указали вдоль деревни: – Про хорошего человека спросил! По этой стороне, где стоим, крайний дом его будет.

Бревенчатый дом, три окна в ярко-жёлтых резных наличниках смотрят на дорогу. Палисадник, заросший кустами. Андрей отворил калитку, вошёл нерешительно и остановился перед дверью в сени, которая скоро распахнулась, и на пороге предстал довольно крупный мужчина, коротко стриженный и небритый. Ёжась на свежем воздухе в пиджаке нараспашку, из-под которого виднелась облегающая тело майка, засунув руки в карманы широченных брюк, он внимательным, задумчиво-лукавым взглядом уставился на незнакомца:

– Вы к кому, молодой человек?

Андрей сбивчиво попытался объяснить, к кому и зачем он приехал.

– Значит, вы ко мне! – мужчина сделал широкий жест рукой: – Заходите в моё жилище!

Из холодных сеней перешли в просторную комнату с жарко натопленной русской печью. Самотканые длинные половики и круглый стол. Окна с широкими подоконниками. Старинный комод и потёртый кожаный диван. Хозяин увлёк гостя в соседнюю комнату и усадил с краю письменного стола. Налил крепкого чаю и принёс вазу с конфетами.

– Извините, что я так, по-домашнему, не причёсан, не побрит. Ваш визит – неожиданный. – Он протянул Андрею руку: – Виталий Сергеевич.

Выслушав гостя, писатель отвёл от него пристальный взгляд и, усевшись удобнее на стуле, заговорил:

– Отрадно слышать, что молодые люди интересуются и нашим прошлым, и достойными людьми из нашего прошлого. Эта девушка, вероятно, ваша невеста и, видимо, в будущем, жена, – он улыбнулся в ответ на согласный кивок Андрея. – Роман, о котором идёт речь, находится в издательстве. У меня есть перепечатанные варианты рукописи и, если этот текст нужен для благородной, так сказать, цели, то я готов посодействовать. Это не значит, что я раздаю рукописи направо и налево, – Виталий Сергеевич многозначительно хмыкнул. – Это художественное произведение не только о промышленниках Мальцовых. Сюжет довольно интригующий. Авторское видение, понимание и оценка событий. Возникновению в наших краях стекольного производства, как известно, предшествовал указ российского правительства в 1754 году. В нем предписывалось «генералыш уничтожить» ряд предприятий, что находились в радиусе двухсот вёрст от Москвы. В ряду предприятий оказались стекольная и хрустальная фабрики Мальцовых. Сделано это было, чтобы сохранить от вырубки подмосковные леса. Братья Мальцовы разделили наследство. Александр свою долю перевёл в Орловскую губернию, а Аким обосновался в Мещёрских лесах. Налаженное в Мещёрской глухомани производство, – писатель утвердительно хмыкнул, – оказалось рентабельным. Подручное топливо, подручное сырьё, местоположение вблизи судоходных рек Оки и Десны – это сыграло положительную роль. Когда брат умер, Аким стал хозяином и хрустальной фабрики в Орловской губернии. Удачливый стекольный заводчик, Аким Мальцов указом императрицы Екатерины Второй был возведён в дворянское достоинство.

Виталий Сергеевич достал из письменного стола объёмную папку и извлёк из неё увесистую пачку бумажных листов с печатным текстом:

– Вот рукопись. Даты событий, так сказать, историческая правда, вплетены в сюжет. Мальцовский хрусталь знали в Европе с начала девятнадцатого века. У хрусталя была характерная грань, именовавшаяся «русским камнем». Зубановы, гусевские мастера, создали в ту пору оригинальный рисунок из трав, цветов, вьющейся лозы. Его называли «Светлое растение». Появились тогда же фирменные изделия мальцовских стеклодувов – графины с сидящими внутри медведями и петухами, вырастающими со дна сосуда пышными букетами, – писатель выставил перед собой руки с широкими ладонями, словно держал в них невидимый букет цветов, и с восхищением в глазах уставился на собеседника.

Андрей кивал головой с выражением радостного удивления на лице.

– Если вам интересны данные познания, тогда я ещё поговорю. – Напустив на себя серьёзность, Виталий Сергеевич продолжил монолог: – При Иване Сергеевиче Мальцове, наследнике Акима Мальцова, Гусевский завод вырабатывал дорогую, ценную посуду, поставлял её в Москву и Петербург. Выполнял заказы царского двора. В 1857 году ему разрешено изображать на изделиях государственный герб. Иван Сергеевич, – голос писателя зазвучал с каким-то почтением и уважением, – был человеком образованным. Служил в коллегии иностранных дел. Выезжал за границу, изучал хрустальное производство в Богемии и Англии. Будучи первым секретарём русского посольства в Персии, наладил торговые отношения России со странами Востока. Он чудом остался жив, когда толпа мусульман, обезумев, растерзала тридцать шесть служащих русского посольства и посла Грибоедова. Спас Мальцова перс-переводчик. Потрясённый кровавым событием, Иван Сергеевич оставил дипломатическое поприще. Он обосновался в Гусь-Хрустальном. Занимался благоустройством, строил дома. Под хозяйским присмотром гусевский завод выпускал продукцию, которая получала золотые медали на всемирных выставках в Нью-Йорке, Вене, Париже. Самого заводчика величали «королём хрусталя». Он являлся камергером двора, дипломатом, действительным тайным советником, кавалером

лером русских и иностранных орденов! – Виталий Сергеевич поднялся со стула, заходил по комнате и заговорил, как показалось Андрею, с большим оптимизмом:

– Следующий владелец гусевского хрустального завода, прославивший фамилию Мальцовых, был человеком незаурядным. Многомиллионное наследство он получил не по праву рождения, а благодаря личным качествам. Писатель Игнатъев, внучатый племянник Ивана Сергеевича Мальцова, написал об этом, примерно, следующее. Дословно я не помню, но суть состоит в том, что Иван Сергеевич детей не имел. Жил одиноко, вставал в пять утра, шёл к ранней обедне и в семь часов начинал работать. Его помощником был скромный и необыкновенно трудолюбивый чиновник Юрий Степанович Нечаев. Все родственники были очень удивлены, когда после смерти Мальцова выяснилось, что многомиллионное состояние завещано Юше. Дядюшка, как писал Игнатъев, в завещании написал, что заводское дело считает дороже семейных отношений, а так как среди родственников – Игнатъевых и Мальцовых – нет никого, кто мог бы дело вести дальше, то он оставляет свои богатства человеку простому, но деловому. Новому владельцу гусевских хрустальных и стекольных заводов, лесных угодий и торфоразработок в 1880 году Сенат разрешил носить фамилию Нечаев-Мальцов. Хрустальное и стекольное производства продолжают процветать. Внедряются новейшие по тому времени технологии для выпуска продукции. Продукция продолжает получать золотые медали на всемирных выставках. Ценится при дворе. Выполняются такие почётные заказы, как хрустальные колонны для дворянского приюта в Петербурге, громадные люстры «паникадилы» для соборов Москвы и Киево-Печерской лавры. Нечаев-Мальцов организовал плавучую хрустальную выставку. Маршрут пролегал через Порт-Саид в Египет, Персию, Грецию, Турцию. Реклама способствовала тому, что в начале двадцатого века посуда, ввозимая в страны Востока, в основном была русского производства. В придворной службе Юрий Степанович дослужился до звания обер-гофмейстера и стал личным другом императора Александра Третьего. Но наибольшую значимость, для меня во всяком случае, – распахнув пиджак, Виталий Сергеевич хлопнул ладонью по майке на груди, – личность Нечаева-Мальцова приобретает, когда речь заходит о его благотворительности. Меценат с большой буквы! С особым вниманием относился к художникам. Являлся членом Общества поощрения художников. Пятнадцать лет был вице-президентом этого общества. Был членом Академии художеств! Финансировал журнал «Художественные сокровища России». Юрием Степановичем был учреждён ежегодный конкурс его имени среди молодых художников России. На свои средства он издал знаменитую мозаику Ломоносова, изображающую Полтавский бой, которая долго стояла прислонённая к стене, забытая и разрушенная, в коридоре академии. Юрий Степанович строил церкви! При Гусевском хрустальном заводе был возведён храм во имя Георгия Победоносца с пределами. Возведён он был в честь Иоанна Богослова и святой мученицы Софии на 3000 прихожан. В имении Полибино Рязанской губернии – ныне Липецкая область – был построен храм великомученика Димитрия. Денежные средства переводились на постройку церквей в Старой Руссе Новгородской губернии. Этот перечень можно продолжать. На деньги Юрия Степановича велось строительство лучшего в Европе по техническому оснащению Мальцовского ремесленного училища в городе Владимире. При создании в Москве Музея изящных искусств Нечаев-Мальцов взял на себя, в основном, все материальные затраты. Профессор Цветаев в 1898 году отмечал, – Виталий Сергеевич склонился к столу над листами бумаги с печатным текстом и ткнул пальцем в бумажный лист, – вот, он писал: «Люди колоссальных или „громовых“, как говорится в здешнем купечестве, богатств, или лица, известные своей щедростью на приобретение произведений искусства, уклонились под тем или иным предлогом от помощи». На финансирование Музея изящных искусств ушли громадные деньги. В настоящее время он называется Музеем изобразительного искусства имени Пушкина и является одним из крупных культурных центров России. Юрий Степанович Нечаев-Мальцов созидал! Он отдавал! С добром и надеждой смотрел в будущее! Таков был его духовный и нравственный облик. Добродетель была ему

присуща как черта характера, – писатель раскрыл лежащую на столе рукопись романа и прочитал несколько слов из текста: – «Добродетель – Божья благодать! Это жертвенность ради окружающих; это душа, живущая в любви и смирении; это лицо заботливой матери; это руки, что, как солнца лучи, отдают тепло!»

Сложив аккуратно рукопись, писатель протянул её Андрею:

– Читайте молодой человек! Что касается личности Нечаева-Мальцова то, на мой взгляд, он занимает достойное место в ряду таких меценатов, как Третьяковы, Морозов, Мамонтов, Солдатенков. Благодарный сын своего отечества! Достойный муж России! Судьбы таких людей нельзя оставлять в прошлом, в забвении. Их нужно выставять на свет и пропагандировать, чтобы служили они образцом и примером для нас – живущих.

6

Уже темнело, когда Андрей, прижимая к телу висевшую на плече сумку, в которой лежала заветная рукопись, направлялся от деревни в сторону шоссе. Со слов писателя, в это время останавливался нужный Андрею автобус. Долго и искренне Андрей благодарил Виталия Сергеевича. Обещал ещё приехать. На остановке стояли, обнимаясь, долговязый парень и невысокая девушка. Они с интересом оглядели Андрея. Парень, нахлобучив на голову капюшон и сунув руки в карманы куртки, самодовольно хмыкнув, отвернулся, а девушка, прижимаясь щекой к пушистому воротнику серого пальто, продолжала смотреть с загадочным женским любопытством. На дороге из-за поворота замерцали огоньки автомобильных фар. Девушка радостно вскрикнула и похлопала долговязого по спине. В автобусе Андрей расположился на сиденье и, прижимая к себе сумку с рукописью, задремал, а к ночи, удовлетворённый прошедшим днём, добрался до своей квартиры. Рукопись он положил в свободную от бумаг папку для документов, что лежала в письменном столе.

На следующее утро, прихватив папку, с радостным воодушевлением шёл он по знакомым улицам и переулкам. Город наполнялся звуками и движением, что исходило от каждодневных людских дел и забот. Андрей свернул на улицу с похожими один на другой домами из красного кирпича. Он часто ходил здесь и не обращал на дома эти внимания. Теперь же – разглядывал их. Четыре или три нешироких окна выходят на улицу. Сделаны они арками – сверху дугообразные и выделены кирпичом, покрашенным белой краской. Дома эти строил для своих рабочих Иван Сергеевич Мальцов. Предназначался дом на две семьи. Половина его, с земельным участком и дворовыми постройками, – на одного хозяина. Такую половину дома местные жители называют «мальцовской». Это жильё и в наши дни считается престижным в городе. Возле одного из домов пожилая женщина в синем пальто и белой беретке прогуливалась с собачкой, держа её на поводке. Лохматая собачонка, упираясь лапками, тянула хозяйку за собой. Андрей поздоровался и, желая продолжить разговор, спросил первое, что пришло на ум:

– У вас тут поблизости дом никто не продаёт?

С немолодого, но по-женски миловидного лица на Андрея уставились внимательные глаза. Взгляд задержался на папке для документов, которую Андрей держал перед собой.

– В крайнем доме половинку продавали, – женщина показала взглядом в конец улицы. – Но они продали. Дорого продали! – она кивнула головой как бы в подтверждение своих слов.

– А я смотрю, с кем это моя бабка чирикает? – из распахнутой калитки со двора дома появился мужчина пенсионного возраста. В трико и тапочках, нахлобучив на голову спортивную шапочку, он застёгивал молнию на куртке.

– А тебе всё подслушать надо! – повернулась к нему женщина, но, увлекаемая собачкой, которой явно надоело топтаться на месте, отпуская поводок, поспешила за ней.

Мужчина оказался общительным. Бодрым голосом он говорил:

– Мы тоже не лаптем щи хлебаем, знаем, кто эти дома строил! Для рабочих как для себя строил! Здесь же стены вековые. На них бы и вторые этажи настроили, – собеседник взглянул на Андрея с хитрым прищуром в глазах, – но тут заковыка получается. Можно во дворе пристроить, а перед дома, что на улицу выходит, нельзя трогать. Для того чтобы сохранить историческую архитектуру города! Это местные власти решают. Я с этим согласен полностью! Чтобы не соврать, живу здесь лет двадцать. Все удобства. У нас потолки высокие, просторно и подпол, – мужчина удовлетворённо вздохнул и, улыбаясь, как по секрету негромким голосом сообщил:

– У моей собачницы, которая сейчас с собачонкой гуляет, сестра двоюродная имеет четырёхкомнатную квартиру и предлагает моей поменяться жильём, а моя ни в какую! Я, говорит,

в «мальцовской половинке» живу! – собеседник громко рассмеялся. Андрей поддержал его смех улыбкой и, попрощавшись, заторопился вдоль домов по улице.

Он подошёл к дверям больничного корпуса, как выяснилось, рано – посетителей ещё не пускали. Входящий в здание врач в ответ на просьбу Андрея передать папку с рукописью в палату остановился и принялся протирать платком стёкла очков. Прищулив глаза, из-под надвинутой на лоб белой шапочки он взглянул в Андрея:

– Вы ей мужем приходитесь?

– Надеюсь им стать, – засмутившись, пояснил Андрей.

– Ничего положительного о её состоянии сказать не могу, будем ждать сдвигов в лучшую сторону, – водрузив очки на нос, доктор убрал платок в карман белого халата. – Надеюсь, это не бомба. – Он взял папку из рук Андрея и, неожиданно широко улыбнувшись, скрылся в дверях.

Андрей несколько раз набирал номер Полининого телефона. Он дозвонился до неё, когда больничные двери открылись для посетителей. Она вышла из палаты в нарядном, купленном Андреем, халате. Стояли в коридоре у окна, и Полина с застенчивой улыбкой на бледноватом лице старательно объясняла:

– Рядом бабушка лежит – дремлет постоянно. Телефон отключаю, чтобы её не будить.

Тоже улыбаясь, Андрей соглашался с Полиной. Поинтересовался, передали ей рукопись или нет. Сбивчиво, волнуясь, принялся рассказывать, как раздобыл рукопись книги.

На следующее утро, так же у окна в коридоре, Полина воодушевлённо благодарила Андрея, твердила, что читает не отрываясь, и с неподдельной радостью пересказывала прочитанное.

– Что вы с ней сделали? – уже знакомый Андрею врач, проходя по коридору, узнал его и указал на Полину. – Как подменили её! – Поправив на лице очки, он задумчиво кашлянул. – Так дело пойдёт, будем выписывать.

Ближе к полудню следующего дня Полину выписали, и они с Андреем, прихватив пакет с её вещами, уходили из больничного городка. Весеннее солнце, как будто приветствуя их, светило навстречу. Шагая рядом, Андрей разглядывал попутчицу, которая, моргая карими глазами, увлечённо рассуждала о прочитанной книге. Белое лицо с тонкими чертами. Любимое лицо и тело желанное! Откуда взялось это притяжение? Протянулись к Андрею невидимые нити от этого хрупкого создания с тонким голоском. Неведомо как привязались в душе его узелками накрепко. Необъяснимо это! В этом и загадка, и чудесная радость! Земное чудо – любовь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.